

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ – 6

(В русском жанре – 66)

””

Впервые подумал об особой роли наречия в нашем языке.

Вот его определение:

Наречие – это самостоятельная часть речи, которая обозначает признак действия или состояния, признак признака и предмета и отвечает на вопросы: как? куда? где? откуда? зачем? почему? в какой степени? и пр.

Наречия, по моим наблюдениям, чаще всего отвечают на вопрос *как?*

Попробуйте на самых обиходных примерах:

Как жизнь? Как здоровье? Как жена? Как работа? Как дела? Как провёл лето? и т.д.

И тут же услышите ответы-наречия: хорошо, плохо, хреново, здорово, весело и т.д.

Наречие способно содержать и выразить гораздо больше смыслов, чем остальные части речи. Сколько существительных, прилагательных и глаголов понадобится, чтобы поточнее ответить на вопрос «Как дела?», тогда как наречие легко обходится единственным.

К тому же наречия-ответы на вопрос *как* особенно разнообразны, и поколение за поколением рождает всё новые их синонимы, антонимы и многие значения между ними. *Прикольнo!* – слышу я то и дело и вспоминаю, что у нас в 60-е синонимом было *законно!* А в конце прошлого века синонимом *отлично* или *здорово* стало *клёво*.

О, наш великий и могучий!

””

Однажды я позволил себе заметить, что Чехов (в «Скучной истории») не вполне достоверно описывает бессонницу, предположив, что сам он, видимо, не страдал изматывающей до отчаяния бессонницей. Герой повести описывает ее так: *«Как и прежде, по привычке, ровно в полночь я раздеваюсь и ложусь в постель. Засыпаю я скоро, но во втором часу просыпаюсь и с таким чувством, как будто совсем не спал. Приходится вставать с постели и зажигать лампу. Час или два я хожу из угла в угол по комнате и рассматриваю давно знакомые картины и фотографии».*

Почему я вцепился в чеховского профессора, назвав его бессонницу даже идиллической? Да потому только, что тогда сам мучился ею. Я даже написал, что герой повести «не знает, что такое мучительно хотеть спать, более того, ежесекундно засыпать и тут же вздрагивать и пробуждаться от чьей-то безжалостной руки, которая стучит по затылку, едва сомкнешь веки».

Нагло всё это конечно было, но уж очень я в то время мучился, не спавши из ночи в ночь.

И вот неожиданно из воспоминаний М.П. Чехова узнаю, что мой любимый писатель изведаль, что такое и моя бессонница, но спустя годы. «Скучная история» написана в 1889 году, а младший брат Антона Павловича вспоминал про мелиховское лето 1893 года: *«В Мелихове у Антона Павловича, вероятно от переутомления, расходились нервы – он почти совсем не спал. Стоило только ему начать забываться сном, его “дёргало”».*

И определение «дёргало» как нельзя более точно подходит к моим мучениям, но всё-таки совестно: нельзя собственное выдавать за единственное: бессонницы бывают разные.

””

Перечитывая «Белую гвардию», зная, что гадкий Шполянский это карикатура на Виктора Шкловского, я недоумевал там, где подчёркивалось женолюбие персонажа. Сложившийся у меня образ Виктора Борисовича донжуанством не отдавал. И я поделился своими сомнениями с М.О. Чудаковой. Вот мои вопросы и её ответы (декабрь 2018):

Вопрос: *«Какие были основания у Булгакова показать Шполянского властелином женщин? О Шкловском я ничего на этот счет не знаю, а в «ZOO» автор-герой даже жалок. А если Булгаков придумал всё это, то зачем? Ведь подобный мужской ореол у читателя (и читательницы тем более) вызовет восхищение, но прототип Шполянского автору ненавистен».*

Ответ: *«Похоже, что были! Отбивал у Тынянова – друга! – одну из первых красавиц Петрограда Вету Долуханову. И потом – известно было, что он – человек биологической храбрости. Этот запах всегда кружит голову нам, женщинам».*

Что ж, ещё одно свидетельство благородства таланта Булгакова, который терпеть не мог Шкловского, но мужские его качества, видимо, ему известные, не обошёл.

И, раз уж о смелости Шкловского, приводило, естественно, в недоумение рвение его в осуждении Пастернака. Как известно, будучи в дни судилища в Ялте, они с Сельвинским не поленились сойти с горы, где расположен Дом творчества писателей, вниз, в почтовое отделение, чтобы сообщить о своей поддержке осуждения Пастернака. А Сельвинский еще и стих в «Курортной газете» поместил. Но его не так давно, во время войны, крепко трепали, даже на Политбюро, а Шкловскому-то зачем было вылезать?

Могу объяснить лишь досадой: Борис всегда при большевиках процветал, и ему главную, не советскую, а мировую, премию, а мне, с 17-го года инакомыслящему?

А чем же ещё объяснить?

””

То, что один из любимых мною писателей Алексей Н. Толстой о совести понятие имел условное – не новость, и что толку без конца это повторять, но поскольку наследил граф по жизни немало, иной любопытствующий, едва узнав какую-нибудь давно известную неприличность о всё ещё читаемом писателе, спешит поделиться ею как открытием.

Так, расхожим местом стал конфликт Толстого и Мандельштама, хоть история эта очень мало говорит о Толстом, но много о Мандельштаме, не осмелившемся дать сдачи молодому наглецу Саргиджану-Бородину, когда тот побил его жену, а через полтора года в Питере демонстративно-невесомой пощечиной отомстившем старому, ещё с 10-х годов, знакомцу за бесплодное председательство в товарищеском суде. И постепенно досужие болтуны договорились до того, что именно Алексей Николаевич в отместку активно участвовал в преследовании поэта.

Затеял тему я, конечно, не для того, чтобы в очередной раз затронуть моральный облик аморального русского писателя, но с целью более уместной для словесности: поглядеть, как проявлялись порой самые непохвальные черты натуры Алексея Николаевича в его, что ни говори, но всё же художественных текстах.

В романе «Восемнадцатый год» одну из главных героинь Дашу авторская фантазия занесла в заговор «Союза защиты родины и свободы», где её инструктирует сам Савинков, и вообще из неё готовят Фанни Каплан... Ужас, конечно, но если, читая романы А. Толстого, отнести к ним как приключенческим, тогда может покоришь увлекательность сюжетов и мастерство слова. Жаль, что в России всё ещё дымится столетнее прошлое, обостряясь в какой-то неожиданной эпидемии псевдоисторизма, каким отмечены в наши дни даже речи политиков и какой через край хлещет из сериального нашествия, где возникают – новые, и хрен бы с ними, Ильичи и Троцкие, но и такие дорогие русскому сердцу персонажи, как Куприн или Пётр Лещенко. Можно без преувеличения сказать, что не учёные, а политики и телевизионщики сейчас сделали у нас законодателями историзма.

В романе «Восемнадцатый год» новоявленную заговорщицу одевают в кладовых Дома анархии. *«Жиров широким размахом указал на вешалки, где рядами висели собольи, горностаевые, черно-бурые палантины, шиншилловые, обезьяньи, котиковые шубки. Они лежали на столах и просто кучками на полу. В раскрытых чемоданах навалены платье, белье, коробки с обувью. <...> Даша наклонилась над раскрытым кофр-фором, – на секунду стало противно это чужое, – запустила по локоть руку под стопочку белья.... <...> Ну, что ж, – потом как-нибудь разберемся...»*

В связи с реализацией толстовской героиней большевицкого лозунга «грабь награбленное» я подумал о другом, куда более почтенном русском писателе. Что должен был испытывать М. Горький, занимая особняк Рябушинского на Малой Никитской? Да, он называл его нелепым и даже сокрушался: «я совершенно точно знаю, что моё поселение во дворце или храме произведёт справедливо отвратительное впечатление на людей, которые, адски работая, обитают в сараях». Но как быть со священным правом собственности, не последним приверженцем которого в жизни, а не в книгах, был сам Алексей Максимович? Не знаю, бывал ли он до 17 года именно в этом особняке, но в подобной собственной роскоши жил годами.

Алексея Николаевича справедливо считали человеком, да и писателем, физиологическим. Его тексты этой самой физиологией, не только бальзаковски брачной, но и винной, и обеденной, и мебельной, и много ещё какой, прямо-таки кишат. Позволю ещё два примера, которые, надеюсь, для кого-то могут быть и неожиданными.

В романе «Хмурое утро» белый офицер Вадим Роцин в Екатеринославе находится в крайней степени утраты всех смыслов жизни. Нет России, потеряна жена, один шаг до самоубийства.

«Проходя мимо парикмахерской, он невольно взглянул на себя в узкое зеркало сбоку двери: ему зло и криво усмехнулось его лицо трупного цвета. Он зашел, не снимая шинели, сел в кресло: «“Побрить!” – Позвольте вам подстричь а ля бокс, если желаете, осталось у меня немного заграничной краски – вороньего крыла? Кому это нужно – седая мочала? (“Побрейте голову”, – сквозь зубы сказал Роцин.) Роцин глядел на себя в зеркало. Лоснящийся череп был хорошей, вместительной формы – для благородных и высоких мыслей. <...> Он поднялся, надвинул походную, грязную простреленную фуражку – несколько набок, щедро расплатился и вышел... Решения у него все еще не было никакого... Но он уже не чувствовал дряни в ногах, не цеплялся носками сапог за булыжник. Вот что значит – побывать у парикмахера! Капелька любви к себе просочилась в мутное отчаяние его души».

И правда поверишь, что от пули в висок могут спасти ко времени сделанные бритвё и стрижка.

Последний же пример из статьи Толстого для сборника «Как мы пишем» (1930).

«Затем последнее (в порядке совета) – о желудке. Степан Петрович Яремич говорит: чистите ваш желудок. Он так же любит повторять: Лермонтов погиб оттого, что не чистил желудка. Это парадокс, но покопайтесь-ка в причинах вашего дурного настроения, головной боли, минут черного пессимизма и пр. – желудок. Вы сели к столу, в голове смесь ваты с простоквашей, щурясь – курите, перо выводит на полях какой-то рисунок, – топорик, ромбики, завитушечки. Чистите ваш желудок!»

Помню, когда впервые прочитал это, был ошарашен прямо-таки хамством писателя. И сейчас даже шутки здесь не вижу. Но так был устроен этот человек, что с лёгкостью переводил любые человеческие проявления в физиологию. А сам успешно всю жизнь избегал таких неприятных зрелищ, как похороны, кроме вынужденного выноса урны с прахом Горького рядом с вождём. Лишь на самом закате, когда в 1944 году по велению того же Сталина Толстой должен был наблюдать эксгумацию катынских захоронений, чтобы подписать рядом с православным патриархом и академиком медицины лживое заключение о фашистских, а не энкаведешных, пулях в телах поляков, не вынес. И не того, что придётся врать, что было привычно. Мне представляется убедительным объяснение хорошо

понимавших его людей (Михоэлса, Раневской и других) причин скоротечной смертельной болезни писателя тем, что не смог пережить зрелища массы катынских трупов. Совесть совестью, но восприимчивостью он был наделен сверхъестественной.

””

Спорить о художественных достоинствах фильма Никиты Михалкова «Солнечный удар», которых, на мой взгляд, просто нет, не стану – дело вкуса. А задам вопрос, который в многочисленных рецензиях и комментариях мне пока не встретился. Режиссёр признаётся в страстной любви к прозе Бунина и экранизирует рассказ 1926 года и дневник 1919-го. Чем обусловлен выбор? Ужаснуться, вслед за старшим коллегой, тому, «какую Россию мы потеряли»? Но, любя, или хотя бы уважая великого писателя, почему не показать страну, не только вспоминаемую им через розовые очки ностальгии, но увиденную непосредственно.

Повесть «Деревня», рассказы «Хорошая жизнь», «Ночной разговор», «Весёлый двор», «Игнат», «Захар Воробьёв», «Личарда», «При дороге» и многие другие – не на один фильм хватит. Да вот не очень-то привлекательна та Россия Бунина.

Прадеда героя «Деревни» «затравил борзыми барин Дурново», он называет современные ему времена «пещерными», а сам автор, работая над повестью, восклицал – «Жуть, жуть...»

Героиня «Хорошей жизни» вгоняет в гроб мужа, выгоняет сына из дому. Гимназист в деревне на каникулах («Ночной разговор») с ужасом слушает спокойный рассказ мужика об убийстве им односельчанина. Егор («Весёлый двор») похоронив мать, пьяный пляшет на её могиле и затем бросается под поезд. Живущая на барском дворе Любка («Игнат») живёт с барчуком, влюблённый в неё Игнат живёт с дурочкой-нищенкой, грабит маленькую крестьянскую девочку, женившись на Любке. Наконец, воротившись из армии, застаёт жену с купцом, которого они и убивают. Богатырь Захар Воробьёв в одноимённом рассказе на спор выпивает столько водки, что умирает. Вдовец Устин («При дороге»), про которого «говорили, что он убил жену из ревности», пытается соблазнить свою младшую дочь.

Достаточно?

Бунин сгущал краски? Что ж, ему было виднее. Во всяком случае, виднее, чем режиссёру. И коли претендуешь на историзм (а Михалков сделался записным историком по телевизору) и уважаешь великого писателя, не делай вид, что «потерянная Россия» вмещается в короткий романтически-ностальгический рассказ.

И о волжских пароходах. В какой своей буйной фантазии постановщик «Солнечного удара» вообразил не имеющие ничего общего с волжскими пароходами остроконечные клипера с пиратскими бушпритами? В изданной (1996) журналом «Волга» книге «Пароход на Волге» содержится 185 оригинальных фотографий пароходов 19 – начала 20 веков. И разумеется, ничего подобного михалковским пароходам нет. Да и нигде нет и быть не может. Коли сам ничего не смыслишь в этом, следовало обратиться если не к консультантам, то просто к старым фото. Да и при бюджетах михалковских постановок можно и построить пароход...

Стыдно так не уважать великого писателя, нашу историю, зрителя.

А как можно было откровенно стянуть у Михаила Швейцера из экранизации «Крейцеровой сонаты» (1987) кадры, зрительно ассоциирующие работу поршней пароходных двигателей с движениями полового акта?

””

В номере от 4 декабря 2019 года «Литературная газета» поместила текстик Анатолия Макарова «Наследники Смердякова».

«Интеллигентский скептицизм, непреходящее недовольство начальством, своей страной, окружением, народом, даже климатом никого не удивляет. Это, что называется, природное свойство “образованных людей”, их привилегия». И т.п.

А ведь этот броский заголовок уже был в той же ЛГ 22 января 1966 года перед статьей критика Зои Кедринной, общественного обвинителя на процессе русских интеллигентов Андрея Синявского и Юлия Даниэля.

Вот из Кедринной: *«Литературные пародии и реминисценции Синявского-Терца выражают злобную ненависть по отношению ко всем установлениям, людям, быту того общества, в котором Терц-Синявский живет и которое стремится замарать всеми доступными ему средствами, рисуя его в виде скопища отвратительных чудовищ».*

А вот из Макарова:

«...воспылали вдруг яростной неприязнью к нашему порядку вещей. И вообще к России. Их раздражает, а то и приводит в озлобление сам русский характер, часто трактуемый ими однобоко и пристрастно. Россия, с их точки зрения – сплошь царство хамства, вечного и неустребимого. А русский народ и есть этот самый хам, не способный ни к духовному развитию, ни к сопереживанию, ни к цивилизованности».

Можно поздравить нынешнюю ЛГ с сохранением самых свирепых её традиций – от использования старых заголовков до замены слова «советский» на «русский», что сейчас, как и в 1966 году, вполне в кремлёвском духе.

””

Семьдесят пять лет исполнилось Анастасии Вертинской.

Беспримерно счастливая судьба, начиная с происхождения и фамилии. Редкая красота. Первая, и сразу звездная, кинороль в экранизации культового в те годы Александра Грина «Алые паруса». И следом «Человек-амфибия», «Гамлет», «Война и мир», «Анна Каренина», «Не горюй!» и др. На мой вкус, самыми удачными её ролями была «декадентка» в фильме по прозе Валерия Брюсова «Жажда страсти» – и скандальная мамаша героини в фильме «В городе Сочи тёмные ночи». На сцене я видел её лишь однажды и судить не берусь.

Но есть у меня и иное, не зрительское, отношение к Анастасии Александровне. Я много лет изучал творчество ее отца. Впервые работал в его архиве в ЦГАЛИ еще в 70-е годы, где до меня практически никто не бывал. Когда же обратился туда уже в 90-е, получил ответ: «Уважаемый Сергей Григорьевич! В ответ на Ваш запрос сообщаем, что фонд Вертинского (2418) и остальные материалы Вертинского в других фондах закрыты наследниками. Наследники просили не обращаться. Читальный зал РГАЛИ».

Тогда в серии ЖЗЛ одобрили мою заявку на книгу о Вертинском, и директор издательства «Молодая гвардия», подписывая договор, спросил нас с редактором Вадимом Эрлихманом: «А про Настю вы не забыли? Смотрите: она ведь уже со всеми пересудилась».

Я вспомнил про архивный запрет и загрузил, но Вадим Викторович предложил не отчаиваться, а продолжать работу, но вскоре сообщил, что из телефонного разговора с «Настей» узнал, что ею наложен запрет даже на цитирование текстов. Представляете книгу о Вертинском, лишённую слов его песен?

Идею книги я отложил, но из любопытства посмотрел в Интернете: и правда, с кем только не судилась наследница, даже с автором романа, где просто цитируется «Кокаинетка», автор слов которой неизвестен. Сама же Анастасия Александровна ничего нового не представила, а лишь переиздаёт давно составленную покойным Юрием Томашевским книгу «Дорогой длиною» (Правда, 1990), полиграфия которой становится богаче, но в содержании новизны не прибавляется.

А к чему снабжать СМИ ложью? Прочитую лишь одно из многих её интервью. На вопрос: «При жизни Вертинского в СССР так и не выпустили ни одной его пластинки?» – отвечает: «Ни одной. Когда он вернулся в Советский Союз в 1943 году, то, вплоть до его

смерти, ему не разрешали записываться в профессиональной звукозаписывающей студии» (16.08.11, «фрАза.иа»). Или: «...ему никогда не разрешали записываться в Доме звукозаписи. Это для певца того времени, когда не было частных студий, очень большой урон. Всё, что мы имеем на сегодня, в лучшем случае записи с концертов, где слышно дыхание зала» (Новая газета, 2000).

Но Апрелевский завод грампластинок выпустил в 1944 году пробные диски Вертинского на 78 оборотов с 15 старыми и новыми вещами, которые записывались, естественно, уже в московской студии. Не знаю насчет всех пластинок, но какие-то пошли в тираж и в свободную продажу. У многих дома они были.

Такая вот доченька.

””

Мне показалось, что кот Тимофей прислушивается к моему любимому радиоканалу Relax FM, явно при этом расслабляясь. Не очень себе доверяя, поделился наблюдением со старшим сыном, у которого два кота. Он не только не удивился, а в свою очередь сообщил, что оба после переноса динамика, где постоянно «Релакс», перешли туда поближе.

””

У меня есть приятельница молодых, точнее ещё молоденьких лет, живущая в Израиле. Мы давно не виделись, лишь недавно возобновили отношения, уже электронные, и я узнал, что она – веган.

Прежде я и не слышал об этой крайней стадии вегетарианства и заинтересовался.

Думаю, что каждому человеку в той или иной форме в том или ином возрасте приходит мысли о травоядении, главным образом из жалости к убиваемым животным. У меня такое случилось уже в зрелом возрасте, лет в 40, когда вдруг стали одолевать видения кровавые, вырвавшаяся от мучителей корова, которую убивали топором, что я однажды наблюдал в селе Михайловка.

Веганство моей знакомой стало поводом для размышлений.

Мои первые заметки на полях веганства ею отвергались с ходу и своеобразно. Например, на процитированное мной замечание С.А. Толстой о том, сколько неудобства доставляло окружающим вегетарианство Льва Николаевича, вроде поисков для него в гостях миндального молока, моя знакомая ответила, что С.А. «была дура, недостойная своего великого мужа, нарожавшая ему вырожденцев». А на мои сомнения в реальности для большинства городских жителей России чисто растительного меню сообщила о развитости в мире веганской торговли.

Уже тогда я заподозрил свою корреспондентку в сектантстве, а узнав, что она никогда не открывает «Записки охотника» («б-рр!» – её отзыв), убедился, что так оно и есть. Да и то, что поузнал об этом «учении», подтверждало нетерпимость его адептов. И уж не послал в Израиль приготовленный отрывок из воспоминаний Александры Львовны Толстой («вырожденки!»): *«Обедали на террасе, было жарко, комары не давали покоя. Они носились в воздухе, пронзительно и нудно жужжа, жалили лицо, руки, ноги. Отец разговаривал с Чертковым, остальные слушали. Настроение было веселое, оживленное, острили, смеялись. Вдруг отец, взглянув на голову Черткова, быстрым, ловким движением хлопнул его по лысине! От напившегося кровью, раздувшегося комара на макушке Черткова осталось кровавое пятнышко. Все расхохотались, смеялся и отец. Но внезапно смех оборвался. Чертков, мрачно сдвинув красивые брови, с укоризной смотрел на отца.*

– Что вы наделали? – проговорил он. – Что вы наделали, Лев Николаевич! Вы лишили жизни живое существо! Как вам не стыдно?

Отец смутился. Всем стало неловко».

На том я утратил интерес к теме, пока не сделался сельским жителем, проводя большую часть дня в саду, где обострилось старое моё убеждение в однородности флоры и фауны и, соответственно, о равном отношении к страданиям их представителей.

Я и раньше предполагал, что растения бывают коварны и хитры, испытывают боль и, думаю, страх. Теперь же наблюдаю это постоянно. Прошлым летом увидел, а точнее, мне показалось, что гигантская десятиметровая сирень теснит примыкающий к ней виноград, и, предавшись дурной решимости, основательно порубал любимый цветок Игоря Северянина. Поэзия поэзией, но сирень-то несъедобна.

А этим летом прошлогодние якобы теснимые побеги винограда так разгулялись, что не только покрыли свою прежнюю площадь, но заняли и сиреневую. Новые кустики сирени там выше метра от земли не поднялись, остановленные на этом уровне жесткими, как проволока, виноградными усиками, их как бы обрезавшими с рубцом на конце. Борьба, однако...

Вообще моих натуралистских наблюдений прибавляется. Там по одну сторону шестидесятикилограммовая кавказка Шера, рыжий Тимофей, шотландка Мышь с закрученными ушками. А ещё и соседские коты и собаки, как ежедневно встречающая меня на прогулке каштановая сука Нина, хронически щенная и голодная.

А по другую-то сторону – несущки во главе с горластым Петей, к которым мой неугомонный младший сын подселил и пяток серых утиц с красноносым селезнем.

И переключаясь с созерцания битвы винограда и сирени к наблюдению над куриной агрессией к уткам, слушая Петин крик, с тревогой следя за кружащим над птичьим двориком ястребом, я уже не буду сомневаться в том, что всё живое, включая Петю, сирень и меня, есть нечто цельное. Что не только допускает, но предполагает, а порой и диктует к себе различное отношение, как людей друг к другу.

Где же здесь место веганству?

Не могу утверждать, что срубленная голова бройлера для меня одинакова поникшей под топором берёзке, и все же...

Да что там всё же! пусть меня осудит израильская подруга, но в этом примере ласкавшую взор берёзку мне жальче, чем неподвижно набиравшего за решёткой вес дурака-бройлера, которого я без угрызений совести сожру, но одновременно буду просить прощенья у кота и собаки, если был к ним несправедлив. И какой веган мне докажет, что растения не чувствует боли, если разрезаемый лист съедается. И я пожалею не только обижаемых несущками уток, но и обрезанную виноградными усиками сирень. А вот комара на шее с удовольствием прихлопну.

Написал и вспомнил старика из рассказа Чехова «Печенег», который, узнав, что его гость вегетарианец, говорит:

«– И куры, и гуси, и зайчики, и овечки, все будут жить на воле, радоваться, знаете ли, и бога прославлять, и не будут они нас бояться. Настанет мир и тишина. Только вот, знаете ли, одного не могу понять, – продолжал Жмухин, взглянув на ветчину. – Со свиньями как быть? Куда их?»

– И они так же, как все, то есть и они на воле.

– Так. Да. Но позвольте, ведь если их не резать, то они размножатся, знаете ли, тогда прощайся с лугами и с огородами. Ведь свинья, ежели пустить ее на волю и не присмотреть за ней, все вам попортит в один день. Свинья и есть свинья, и недаром ее свиньей прозвали...»

Печенегом быть не хочется, но и вправду: как со свиньями-то быть?

””

Выложив в ФБ осеннее фото нашего сада, где земля сплошь усыпана яблоками, деревья же почти пусты, сопроводил словами «Всё больше яблок на земле, всё меньше на деревьях», а Лев Усыскин в комментарии заметил: «4-хстопный ямб однако».

И мне пришлось дописать:

Всё больше яблок на земле,

всё меньше на деревьях.

Всё меньше яблонь на Земле,

всё меньше их в деревнях.

””

Кажется, нашёл своё объяснение тем невозможным ни у кого фамилиям, какие позволял себе Достоевский. Я конечно, не конкурент М.С. Альтману – автору замечательной книги «Достоевский: по вехам имен» (Саратов, 1975), просто мыслишку некую нащупал.

Дело даже не в его особой изобретательности, ее-то как раз, может, и не было – можно придумать и покруче, а в его смелости. Каждый писатель, желает, вероятно, придать персонажу говорящую фамилию, но то, что было возможно во времена Фонвизина, уж немыслимо стало в XIX веке. А вот Достоевский не стеснялся. Ему было удобно назвать бесхарактерного чиновника Мармеладовым, и он назвал. Хотя, конечно я очень упрощаю, и... словом, читайте М.С. Альтмана.

””

Толстой, описывая дворянский или мужицкий быт, *сообщает* читателю детали, а Чехов их ему *напоминает*.

””

«Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году. С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве. Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя В., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось».

Как можно столько сообщить в десятке строк?!

””

Всем известно, что роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» – скучный, переслоенный бесконечными разговорами. Критика тогда отозвалась: «Гигантский, бесконечный, одурманивающий диспут», а в 1927 году в газете «Вечерняя Москва» была опубликована «Стихорецензия» Арго на первую часть романа:

Я книгу взял, восстав от сна –
И погрузился в сон.
Роман «Жизнь Клима Самгина»
На восемьсот персон!
Что Достоевский? Что Бальзак?
Что книги прежних дней?
Бывало лучше – точно так,
Но не было длинней!

Сам автор полагал, что роман это панихида по русской интеллигенции. Пусть так, мне «Самгин» интересен героем, с небывалым у этого писателя и поучительным для других самоанализом, переходящим в саморазоблачение.

Роман и не был в читательском обиходе, а уж сейчас и вовсе забыт. Но жаль, что слишком негромко прозвучала замечательная его экранизация 1986–1988 года, режиссера-постановщика Виктора Титова, художника-постановщика Юрия Пугача и великолепного актерского состава: Елена Соловей, Армен Джигарханян, Александр Калягин, Валентин Гафт, Наталья Гундарева, Светлана Крючкова и Александр Руденский в роли Самгина. Удивительно, как им удалось превратить скучный роман в увлекательное кино.

”

Когда-то впервые встретил имя Леонида Андреева в романе «Золотой телёнок»: «знаменитый писатель Леонид Андреев» и удивился тому, что и не слышал о таком знаменитом писателе. Но и впрямь после войны имя Андреева словно испарилось, хоть и запрета на него не было, а рассказ «Кусака» входил в какие-то хрестоматии.

Интересно, что тогдашние запреты почти не касались букинистических магазинов. То есть конечно у заведующих, думаю, был список запрещённых к покупке изданий, ясно, что там были товарищи Троцкий, Каменев и Бухарин, но недоступных тогда в библиотеке Мережковского или Розанова можно было купить свободно. Даже Гумилёва. У меня есть репринт 1918 года его раннего сборника «Романтические цветы», со штампом московской Книжной лавки писателей: 1965 год.

”

Самые для культуры свободные, по советским меркам, годы на моей памяти были после свержения Хрущева – 1965, 1966. Бесконечные во все стороны затеи Никиты прекратились, и верхушка словно бы еще не очнулась от эйфории по поводу его смещения, но уже скоро, в 67-м, очнулась и начала резко закручивать гайки.

Вот то, что пришло на память.

Десятитомник Бунина, «Мастер и Маргарита», «Театральный роман», первый однотомник Булгакова с «Белой гвардией», объёмное избранное Платонова со скандальным предисловием Федота Сучкова, Пастернак в Большой серии БП с предисловием Андрея Синявского, Цветаева там же, «Бег времени» Ахматовой, первое издание Кафки, десятитомник Эренбурга, первые тома Краткой литературной энциклопедии, четырехтомник Хемингуэя. Конечно, невозможно было всё это враз подготовить: копили годами и вот настал момент вдруг ослабленной цензуры.

Новое: «Мёртвым не больно» Быкова, «Улитка на склоне» бр. Стругацких, «Бабий яр» Кузнецова, первые пьесы Вампилова.

Таганка.

Кино: «Андрей Рублёв», «Председатель» (который потом долго не демонстрировали – настолько стали нецензурны сцены с вывозом солдатами МГБ колхозного хлеба, начальником областного ГБ Калоевым и проч.), «Никто не хотел умирать», «Обыкновенный фашизм», «Похождения зубного врача», «Тридцать три», «Республика ШКИД», «Июльский дождь», «Скверный анекдот», «Катерина Измайлова».

Сюда же впечатления от польского и чешского кино. Польское пришло надолго, а чешские чёрно-белые фильмы с их невероятным социальным реализмом после августа 68 года исчезли.

”

Если дело так пойдёт и дальше, то непременно быть у нас новому Союзу писателей, типа советского. И режиму необходимо управляемое содружество пишущих. И широкие творческие массы жаждут, истерзанные безвластием и отсутствием подачек и стимулов. И

будущие руководители подходящего возраста заметнее обозначились, всё чаще являясь на телеэкране.

Вот как проговаривается один из активистов, когда пишет о награждении писателей в 1939 году: «7 февраля в 12 часов дня 172 литератора собрались у пропускной будки, что слева от ворот Спасской башни. Стояли посереде площади, кто – похохатывая, кто, не веря счастью своему, кто напряженно, кто взволнованно. Толстой, Серафимович, Шишков, Пришвин, Серафимович... Фадеев, Паустовский, Катаев, Зошенко, Леонов... Сергей Михалков, Барто, Маршак... Каменский, Кирсанов, Тихонов, Алигер, Антокольский... Лев Кассиль еще был, который все это описал чуть позже.

Потолкаться б в той толпе...» (Захар Прилепин. «Леонид Леонов: Игра его была огромна»).

...

Расхожее мнение об Алексее Н. Толстом: был граф талантлив, начинал до революции интересно, а сбежав из недолгой эмиграции к большевикам, быстро скурвился, подпевал Сталину, писал гнусности вроде повести «Хлеб», а «Приключения Буратино» так просто украл. Пусть живо «Детство Никиты», пусть самые весёлые страницы «Буратино» и само имя деревянного озорника принадлежат не Коллоди и не Петровской, а Толстому, всё одно имя его презренно.

Зная и понимая о нём куда больше худого, чем большинство хулителей, я продолжаю числить Алексея Николаевича в ряду самых значительных русских писателей первой половины XX века. И сейчас хочу напомнить о его талантливом литературном хулиганстве не до, а после 17-го года, когда в тексте, как и в жизни, он бывал, по выражению Бунина, дураковатым шалопаем, которому можно и попридуриваться.

Вот не слишком известная повесть 1931 года «Необычайные приключения на волжском пароходе». Это пародия на идеологемы советской литературы: на борту собраны иностранные шпионы, бравый коммунистический сыщик, рефлексирующий профессор, променявший жену и дочь на распутную молодницу (в жизни до аналогичной ситуации графу оставалось ещё три года), рабочий и колхозник, встающие плечом к плечу. Нет, недаром тот же Бунин, любивший и всех лучше, думаю, понимавший Толстого, был уверен, что тот, сочиняя верноподданические тексты, помирает со смеху.

Поцитирую-ка я эту повесть.

Пахнет рекой, селедочным рассолом и заборами, где останавливаются. <...>

Из-за селедочных бочек вышли два грузчика: в припухших глазах равнодушие, волосы нечесаны, лица – отделенные от напрасной суеты, биографии – сложны и маловероятны. <...>

...агент при слове “любезность” начал откидываться на стуле, словно предложили ему невероятную гнусность.

В контору ввалилось несколько человек с фибровыми чемоданами, – москвичи, выражение лиц нахальное и прожженное до последней грани. Обступили стол, и у агента зазвенело в ушах от поминания, – будто бы между прочим, – знаменитых фамилий, декретных имен... Так, один с мокрой шеей, в расстегнутой белой блузе, тряся отвислыми щеками, потными губами, собачьими веками:

– Послушайте, товарищ, была телеграмма моего дяди Калинина, дяди Миши?.. Не было? Значит – будет. Дайте ключ.

Другой, с носом, как будто вырезанным из толстого картона, и злоеще горящими глазами, ловко просунул костьявым плечом: – Для пасынка профессора Самойловича, броня “Известий ВЦИК”

Чья-то в круглых очках напыщенная физиономия, готовая на скандал...

– Максим Горький... Я спрашиваю, товарищ, была от него телеграмма по поводу меня?.. Нет? Возмутительно!.. Я известный писатель Хиврин... Каюту мне нужно подальше от машины, я должен серьезно работать. <...>

Хиврин говорил:

– Я еду осматривать заводы, строительство... У меня задуман большой роман, даже есть название – “Темпы”. Три издательства ссорятся из-за этой вещи...

Пасынок профессора Самойловича выставил с борта на солнце плоский, как из картона, нос, проговорил насморочно:

– В Сталинграде в заводских кооперативах можно без карточек получить сколько угодно паюсной икры...

– А как с сахаром? – спросил Гольдберг.

– По командировочным можно урвать до пуда...

– Тогда, пожалуйста, я слезу в Сталинграде, – сказал Хиврин. – Я хотел осмотреть издали наше строительство, чтобы получить более широкое – так сказать, синтетическое – впечатление. <...>

Иностранцы потребовали льду и, наколов его в большие фужеры, пили водку с мадерой. Хиврин сверх меры восторгался заграничным обществом, – должно быть, представлялось, что сидит в Чикаго, в подземном баре у спиртовых контрабандистов...

На хмурой морде буфетчика выдавливается отсвет старорежимной улыбочки...

””

В нашем доме было две поваренные книги. Одна – всем известная «микояновская» «Книга о вкусной и здоровой пище», 1952 года издания (первое вышло в 1939-м). А вторая – тысячестраничный том «Кулинария» (1955), добытый отцом в подарок маме, но, увы, дома малопригодный, так как был предназначен для поваров и рецепты блюд (больше трех тысяч) даются в раскладе продуктов на одну порцию. Там среди авторов пять профессоров, а «кулинарные изделия для фотографий» готовили повара ресторанов «Метрополь», «Савой», «Арагви», «Баку», «Узбекистан».

Давно я в эту «Кулинарию» не заглядывал, а чтение завлекательное. Одних только коктейлей 26 рецептов! А «Утка с вишнями», «Куропатка в сливках с изюмом», «Суп из говяжьих хвостов», «Медальон из лососины», «Налим по-матросски», мороженое «Коньячный аромат», «Яблоки в вине фаршированные в саго»... Не книга, песня!

В разделе «Оформление, сервировка, подача блюд» можно узнать, как должен выглядеть банкетный стол. Там и «Бордюрное тесто заварное», и «Постамент из картофеля», и «Постамент из риса», и «Постамент из желе», и «Постамент из льда», и «Ваза из тыквы с цветами из овощей»¹. И столы для банкетов разные.

Для завтрака стол круглый, с мелкими тарелками «возле каждого посадочного места», пирожковой тарелкой для хлеба, справа от тарелки «ножи – столовый и закусочный, оба лезвием к тарелке», слева «вилки, столовая и закусочная острием вверх», а «на каждую мелкую тарелку дополнительно ставят тарелку закусочную, на которую помещают сложенную салфетку». Ещё фужеры для воды, в центр ставят солонку, вазочку с цветами и пепельницу.

На обеденный дополнительно между столовым и закусочным ножами кладут «столовую ложку углублением вверх», впереди тарелки помимо фужера ставят рюмку для настойки и рюмку мадерную для крепкого или десертного вина. Так же сервируют стол и для ужина, только без столовых ложек.

На заказном столе ножей и вилок уже по троице: закусочные, рыбные и столовые, а впереди тарелок «хрусталь».

¹ Разъясняется: «Розы и георгины вырезают из свёклы, репы, редьки, брюквы; тюльпаны – из красной свёклы и моркови; ромашку – из картофеля и редьки; табак белый – из картофеля или редьки; мелкие полевые цветы из красного редиса».

И наконец, стол банкетный закусочный для стоячки, так там тарелки стопкой, а «вдоль стола, по его середине расставляют бутылки с вином. Около них непрерывной лентой ставят рюмки (водочные, мадерные и другие). Параллельно линии рюмок кладут ленточкой вилки».

Вино на всех столах отсутствует. Лишь в варианте «заказного» является «ведёрко-холодильник с бутылкой шампанского». Наливали гостям официанты.

А что кушали? «Для праздничных обедов, ужинов, банкетов и т.п. чаще всего заказывают следующие кулинарные изделия: икру зернистую в икорниках на ледяных вазах; рыбу заливную, рыбу фаршированную, заливную сёмгу, лососину, балык (звеньями), филе кур и дичи под майонезом, поросёнка заливного, кур фаршированных (галантин), поросёнка фаршированного заливного, сыр из дичи, филе из дичи фаршированное, дичь жареную, ростбиф, ветчину целым окороком, яйца под майонезом и т.п.». Самое здесь прелестное, это, конечно, «и т.п.»...

О посуде особый раздел, но уж хватит, скажу лишь то, что «рыбу (осётр, севрюга, судак и др.) в целом виде, как правило, следует помещать для подачи к столу на продолговатое мельхиоровое либо фарфоровое блюдо (лоток)». И тут я вспомнил рассказ Людмилы Толстой, как Дмитрий Алексеевич² распорядился своей сорокатысячной долей графского наследства: добыл в Астрахани для банкета огромного осетра, которому по Ленинграду долго искали достойное фарфоровое пристанище.

А ещё я обратил внимание на раздел «Национальные блюда союзных республик». Их тогда было 16, включая и смешную Карело-Финскую. Там блюда с названиями вроде «Калалаатикко» (картофель, запечённый с яйцом). И возникает вопрос: поскольку требовалось рассказать о кухне народа, какого нет, вероятно на помощь ресторанным поварам пришли... только кто? Видимо, в ЦК советовались, в Петрозаводск ездили, нашли в книгах какие-то финские рецепты, но вот где рецепты советских карелов, а где недавних врагов финнов?

И ещё: как быть с теми национальностями СССР, которые не имеют союзных республик: скажем, татарской или страшно сказать, еврейской? А очень просто: беляш отдать казахам, а фаршированная щука обойдётся без национальной принадлежности. Замечательное всё же был устроен наш Советский Союз!

””

Первый номер «Волги», который я подписал как главный редактор, был одиннадцатый за 1984 год, он открывался стихотворением Андрея Вознесенского, и на ближайших встречах в Москве с коллегами из патриотического стана слышал: странно начинаешь.

А юмор был в том, что ни единого текста этого номера я в глаза не видел. Меня только что утвердили на бюро обкома и в секретариате СП РСФСР, и кто-то наверху решил, что пора подписывать журнал настоящему главному редактору, а не и.о. Ю. Звереву.

Увидев в готовой к печати вёрстке Вознесенского: «Вопрошал меня Саратов / по приезде в первый день: / «Как вам нравится Мусатов?» / Я сказал: “Люблю сирень!”» я удивился, но вспомнил, что поэт недавно был в нашем городе, а потом мне в журнале рассказали, что зав. отделом культуры обкома Зоя Ларионова попросила стихи у поэта для «Волги» и её клерк Коля Болкунов привёз их в редакцию с указанием дать на открытие номера. Приезжал же Андрей Андреевич по приглашению меценатствующего гендиректора крупной фирмы ВПК «Тантал» Георгия Умнова, который и Окуджаву привечал.

---

² Младший сын писателя, хоть и через силу, но общался с «мачехой», тогда как старший, Никита Алексеевич, категорически «Милку» (некогда участницу его разгульного питерского кружка), не признавал. А она, из завещанного ей одной богатства, поделилась с ними ничтожной долей.

””

Всегда были ненавистные мне слова, употреблять которые я избегал. Например, «шевелюра» и «хохот».

А с одним глаголом у меня с детства были непростые отношения. Отец где-то вычитал и мне внушил, что не следует употреблять слово «кушать», как мещанское, а следует говорить «есть». И так это внедрил в меня, что я лишь спустя много лет, чуть не к старости, стал с удовольствием, хотя первое время и через силу, говорить именно «кушал», «покушали» и т.д.

””

Чувство юмора не обязательно связано с интеллектом. Сколько я знал простеньких людей с острым восприятием комического, и напротив, весьма образованных субъектов, напрочь его лишенных. Чувство юмора как музыкальный слух: или есть или нет.

””

Давным-давно, когда ни о каких охранных сигнализациях, домофонах и видеокамерах и не помышляли, в городах были дворники. Они не только дворы подметали, но и сторожили дома и дворы. А тогда не только в столицах, но и в губернских, потом областных, центрах подъезды больших домов и общие дворы на ночь запирались, чему яркое литературное подтверждение находим в романе «Двенадцать стульев».

В рассказе Зощенко «У подъезда» (1938) герой, задержавшись в гостях, долго не мог выйти из запертого питерского подъезда, пока не явился вымогатель-дворник. И в моей скромной биографии был питерский эпизод конца пятидесятых, когда компания взрослых, где я мальчишкой был с родителями, аналогично наткнулась на висячий замок входной двери. Хозяин квартиры, откуда мы вышли, мой дядя, художник Франц Заборовский, не дожидаясь дворника, громко к моему восторгу заматерился и, будучи вспыльчив, силен и нетрезв, вмиг оторвал замок с креплением, а выйдя наружу, зашвырнул его в бывший Екатерининский, а тогда Грибоедова канал.

””

Продолжая любопытствовать о веганстве, узнал, что более всего знаменитых веганов среди голливудских звезд. Писателей с десятков, немногим больше ученых, среди которых практически нет зоологов и естествоиспытателей (вегетарианство Ивана Павлова весьма сомнительно). Но неужто Дарвин, Тимирязев и Сеченов меньше смыслили в человеческой природе, чем Билл Клинтон, Марк Тайсон или, прости господи, Валерия?

””

Как много мне говорят встреченные одиночества...

Женщина ли в парке вечером одна на скамейке...

Пожилой ли дядька в окне, одиноко сидящий за графином...

Щуплый ли кобелёк, не бегущий за сукой в общей своре...

Все мне свои...